

ГОГОЛЬ

без глянца

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург
2022

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
Г58

Составление и вступительная статья
Павла Фокина

Г58 **Гоголь без глянца** / [сост., вступ. ст. П. Фокина]. — М. ;
СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира»,
2022. — 430 с. — (Серия «Без глянца»).

ISBN 978-5-517-08514-6

«Гоголь без глянца» — документальная мозаика, составленная из фрагментов воспоминаний современников писателя, а также документов и свидетельств, собранных его первыми биографами, высказываний и писем самого Гоголя. Это позволяет посмотреть на загадочную и трагическую личность великого сочинителя с самых разных точек зрения. Книга сочетает в себе элементы исторического повествования и художественного исследования.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-08514-6

© Фокин П. Е., составление, вступительная
статья, 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

*Памяти
Георгия Михайловича
Фридендера*

Ревизор мертвых душ

Гоголь — пример великого человека. Выложите вы его из русской действительности, жизни, духовного развития: право, потерять всю Белоруссию не страшнее станет.

В. В. Розанов

Его называли «великим» через день после похорон. Он ушел, не дожив месяца до сорока трех лет. В возрасте расцвета, по античным меркам — «акме». Угас стремительно и неожиданно для всех, предав огню весь свой архив и многолетний труд по созданию второго тома «Мертвых душ». словно захлопнул дверь за собой.

Василий Боткин в день трагического известия, 21 февраля 1852 года, сообщая в письме Тургеневу подробности, заключает свой отчет словами: «Как бы там ни было, но смерть эта поражает своим необыкновенным характером. Во всем этом есть какая-то сила, сила индивидуальности, перед которой почтительно отступаешь».

История Гоголя удивительна. Беспрецедентна для России. Гоголь — самое обласканное дитя русского общества. Ни одного писателя более так не баловали: систематически и в течение всей его жизни. Ни одного так единодушно не обожали. «Его повсюду читали точно запоем, — вспоминал В. В. Стасов. — Необыкновенность содержания, типов, небывалый, неслыханный по естественности язык, отроду еще

не известный никому юмор — все это действовало просто опьяняющим образом».

Белинский сделал Гоголя знаменем нового литературного направления. «Вы у нас теперь *один*, — со свойственным ему максимализмом писал критик 20 апреля 1840 года, — и мое нравственное существование, моя любовь к творчеству тесно связаны с вашей судьбою: не будь вас — и прощай для меня настоящее и будущее в художественной жизни моего отечества». В своем восхищении Белинский не был одинок. Начались разговоры о «гоголевском периоде» в русской литературе.

Установился своеобразный культ Гоголя. Достоевский рассказывал, как молодые люди собирались на вечеринку и вдруг кто-нибудь предлагал: «А не почитать ли нам „Мертвые души“, открывали том и не могли оторваться до утра». Гоголевские словечки вошли в повсеместный оборот. «Даже любимые гоголевские восклицания: „чорт возьми“, „к чорту“, „чорт вас знает“, и множество других вдруг сделались в таком ходу, в каком никогда до тех пор не бывали» (В. В. Стасов). Юношество стриглось «под Гоголя» и обряжалось в любимые им жилетки. Посмотрите на портрет Некрасова 1840-х годов — вылитый Гоголь!

И не только молодежь — во все времена публика восторженная и неумная! — «старики» тоже были очарованы новым талантом. Пушкин, уже автор «Евгения Онегина» и семьянин, забегает к нему в гости по-простому, без предварительных уведомлений. Жуковский, учитель Пушкина и наставник цесаревича, постоянно хлопочет о Гоголе перед государем, добивается для него денег и привилегий. Старик Аксаков усердно лоббирует гоголевские интересы в Москве. В Петербурге — верный друг и покровитель, профессор русской словесности, а с 1840-го — ректор Петербургского университета П. А. Плетнев.

Магия неопровержимого обаяния таилась в личности Гоголя. Перед нею все отступало. Тургенев вспоминал о первой встрече с создателем «Мертвых душ»: «Я скоро почувствовал, что между мирозерцанием Гоголя и моим лежала целая бездна. Не одно и то же мы ненавидели, не одно любили; но в ту минуту — в моих глазах все это не имело важности. Великий поэт, великий художник был передо мною, и я глядел на него, слушал его с благоговением, даже когда не соглашался с ним».

Перед Пушкиным при его жизни так не преклонялись, как перед Гоголем. Его любили самозабвенно. Обхаживали, пеклись о его делах и нуждах, потакали капризам, прощали порой обидные выходки и нелепости. А странного в поведении Гоголя было много — его причуды вошли в анекдот. Мог в гостях, чуть ли не в присутствии дам, завалиться на диван и заснуть. Мог спрятаться от давнего знакомого в соседнюю комнату, когда тот приезжал с визитом. Зачем-то почти два месяца посылал матери письма как бы из-за границы, хотя уже давно был в Москве. Иногда мог приврать, да так неловко, что всем было очевидно: все сказанное — выдумка. Вообще, был человеком настроения. О ком другом в сходной ситуации попросту сказали бы, что он невежа, Гоголю же все сходило с рук. «Мы не можем судить Гоголя по себе, — оправдывал своего любимца Аксаков, — даже не можем понимать его впечатлений, потому что, вероятно, весь организм его устроен как-нибудь иначе». Друзья конфузились, смущались, недоумевали — и продолжали благоговеть, любить, потакать. Разве что пылинки с него не сдували...

В России своего дома у Гоголя не было: он неделями, иногда месяцами жил у своих знакомых, пользовался их кровом, заботами, столом. «За содержание свое и житье не плачу никому, — прямодушно признавался Гоголь в 1849 году в письме графине А. М. Виель-

горской. — Живу сегодня у одного, завтра у другого. Приеду к вам тоже и проживу у вас, не заплатя вам за это ни копейки». В голову никому не приходило брать с Гоголя деньги за проживание!

Друзья неизменно, по первой же просьбе ссуживали его любыми суммами, порой выкраивая последние средства из собственного бюджета или занимая у третьих лиц. О долгах не напоминали: со своими кредиторами (даже язык не поворачивается назвать так Жуковского, Плетнева, Аксакова, Погодина, Шевырева) Гоголь расплачивался годами. Да что друзья, каждый встречный готов был услужить! Примеров — сотни.

Сам государь Николай Павлович, грозный и строгий, «Палкин», не смог устоять перед талантом Гоголя: утвердил к постановке «Ревизора», присутствовал на премьере и от души смеялся; позже дал добро печатать «Мертвые души», застрявшие было в цензуре; назначил пособие (говоря современным языком, выделил грант на продолжение работы над вторым томом), повелел выдать такой заграничный паспорт, какого в природе никогда не существовало.

О душе Гоголя молились оптинские старцы. Митрополит Московский Филарет проявлял деятельное внимание к его судьбе.

Гоголь, если взглянуть на все эти совокупные усилия современников сегодняшними глазами, видится как уникальный в истории государства Российского *национальный проект* в области литературы. Слову Гоголя поверили безоговорочно. Он стал *мечтой России о пророке в своем Отечестве*. Художник А. А. Иванов даже поместил фигуру писателя на своей картине «Явление Христа народу», в непосредственной близости к Спасителю.

Окончательно Россия утвердилась в своих чаяниях после выхода в свет первого тома «Мертвых душ». «Удивительная книга, горький упрек современной

Руси, но не безнадежный, — писал в дневнике А. И. Герцен. — Там, где взгляд может проникнуть сквозь туман нечистых, навозных испарений, там он видит удалую, полную силы национальность. Портреты его удивительно хороши, жизнь сохранена во всей полноте; не типы отвлеченные, а добрые люди, которых каждый из нас видел сто раз. Грустно в мире Чичикова, так, как грустно нам в самом деле; и там, и тут одно утешение в вере и уповании на будущее. Но веру эту отрицать нельзя, и она не просто романтическое упование *ins Blaue**, а имеет реалистическую основу: кровь как-то хорошо обращается у русского в груди».

Русский читатель с затаенным напряжением ждал продолжения. Жаждал. С недоумением прочел «Выбранные места из переписки с друзьями», которые удивили равно западников и славянофилов, революционеров и охранителей. Пожалуй, впервые рассердился на Гоголя. Заволновался, обеспокоился, даже разругался с ним на какое-то время, но усиленной заботы своей о Гоголе не оставил. Не понимал, но по-прежнему холил, лелеял, оберегал и спасал. Помогал, как мог и чем мог. Словом и делом. И верой в него, в силу его дара.

По сути, вся просвещенная Россия писала второй том «Мертвых душ». Говорят, Гоголь очень не любил, когда его спрашивали, как идет работа, — раздражался, скрытничал, не догадываясь, что это был *насушенный вопрос времени*. И вовсе не праздное любопытство двигало вопрошателями, а — томление духа. «В пустыне мрачной». И когда за девять дней до кончины Гоголь все сжег, Россия обмерла. Столько надежд и ожиданий сгорело в ту непостижимую ночь с понедельника на вторник второй недели Великого поста 1852 года, столько усилий и труда обратилось в пепел! Потрясенный случившимся, Погодин завер-

* На небеса (*нем.*).

шил рассказ о подробностях происхождения словами: «Вот что до сих пор известно о гибели *неоцененного нашего сокровища!*...» Не меньше!

Своим предсмертным поступком Гоголь озадачил русского читателя навсегда. И сегодня, и завтра, как и сто лет назад, тайна гибели второго тома будет мучить русскую душу. Мутить.

«Мы всё склонны объяснять болезнью. „Болезнь“ да „болезнь“, — писал пятьдесят лет спустя Василий Розанов, — какое легкое объяснение: это *deus ex machina** неумных биографов. Ибо почему, читатель, у нас с вами не быть такой гениальной болезни, с такими же причудами? Но у нас есть только ревматизмы и тому подобные рациональные пустяки. Гоголь был, конечно, болен нравственными заболеваниями от чрезмерности душевных глубин своих. Его трясло, как деревню на вулкане. Но в чем секрет его вулкана, из которого сверкали по ночному небу зигзаги молний, текла лава, сыпался песок и лилась грязь: этого, не заглянув туда, нельзя сказать. А заглянуть — тоже нельзя. Только и можно сказать, что вулкан был огромный, могучий, планетный; что это „дух земли“ заговорил в нем. Но больше этих поверхностных слов что же мы можем сказать о нем».

Современники передавали слова сожаления, якобы сказанные Гоголем на следующий день: вроде как «лукавый попутал». Может быть. Однако верить им до конца нельзя — Гоголь был известный конспиратор! Он сжег второй том, находясь в здравом уме и твердой памяти. Точно знал, *что* делает. Ведь не первый раз предавал огню свои сочинения. Когда-то в юности уничтожил в печи практически весь тираж дебютной своей книжки — поэмы «Ганц Кюхельгартен»: никто не хотел

* Бог из машины (*лат.*), т. е. универсальное средство решения проблем.